

ИСТОРИК ГЕРОДИАН

Несколько рукописей преимущественно XV в. (но лейденская рукопись XI в. с поправками, сделанными в XV—XVI вв.) сохранили нам сочинение, озаглавленное «История императорской власти после Марка в восьми книгах» (Τῆς μετὰ Μάρκον βασιλείας ἱστορίας βιβλία ὀκτώ) ¹.

Об авторе этой истории не имеется никаких сведений. Нам приходится довольствоваться тем, что можно извлечь для его биографии из его произведения ². Геродиан дает нам некоторые точки опоры для заключения о времени его жизни. В правление императора Коммода (180—192 гг. н.э.) он был в Риме на играх и вместе с другими зрителями видел (εἶδομεν — «мы видели» — I, 15, 4) таких отовсюду привезенных зверей, какими раньше можно было любоваться только на картинах. Столь же ясно говорит Геродиан и о своем присутствии на разнообразных зрелищах во всех театрах и на священнодействиях в правление Септимия Севера (III, 8, 10), отпраздновавшего секулярные игры в 204 г. Третье упоминание (менее ясное) о пребывании в Риме относится ко временам Каракаллы (об этом ниже). Последнее упомянутое в истории Геродиана событие — убийство императоров Максима и Бальбина (VIII, 8, 3—8) в первой половине 238 г. Все это дает основание думать, что Геродиан мог умереть самое раннее в 240 г., а возможно, и значительно позднее (примерно около 255 г.).

¹ О рукописях «Истории» Геродиана см. Fr. Aug. Wolfius, Praefatio, стр. LVI—LIX (= «Kleine Schriften», I, Halle, 1869, стр. 441 сл.); L. Mendelssohn, Praefatio, стр. V—XV; D o r p p, RE, Bd VIII (1913), стб. 959, s. v. Herodianus 3; K. Stavenhagen, Praefatio, стр. III—XI C. R. Whittaker, Introduction, стр. LXXXIII сл. (список важнейших изданий Геродиана см. в конце статьи).

² Данные по биографии Геродиана рассматриваются в следующих работах: Wolfius, ук. соч., стр. XXXIII сл. (= Kl. Schr. I, стр. 427 сл.); E. Volkman, De Herodiani vita, scriptis, fideque, Diss., Regimonti Pr., 1859, стр. 3 сл.; R. Sievers, Ueber das Geschichtswerk des Herodianos, «Philologus», XXVI, 1867, стр. 30; J. Kreutzger, De Herodiano rerum Romanarum scriptore, I, Diss., Bonnae, 1881, стр. 6 сл.; C. Wachsmuth, Einleitung in das Studium der alten Geschichte, Lpz., 1895, стр. 693; H. Peter, Die geschichtliche Litteratur über die römische Kaiserzeit bis Theodosius, II, Lpz., 1897, стр. 101 сл.; C. Croiset, Histoire de la litterature grecque, V, P., 1899, стр. 814; E. B a a z, De Herodiani fontibus et auctoritate, Diss., Berolini, 1909, стр. 80 сл.; D o r p p, ук. соч., стб. 954 сл.; E. Sommerfeldt, Zur Frage nach der Lebensstellung des Geschichtschreibers Herodian, «Philologus», LXXIII (N. F. XXVII), 1914—1916, стр. 568 сл.; A. Rosenbergl, Einleitung und Quellenkunde zur römischen Geschichte, B., 1921, стр. 261; W. Christ — Schmid — Stählin, Geschichte des griechischen Literatur, II, 6. Aufl., München, 1924, стр. 799 сл.; St. Witkowski, Historjografja grecka, III, Kraków, 1927, стр. 251; F. Cassola, Sulla vita e sulla personalità dello storico Erodiano, «Nuova Rivista Storica», 41, 1957, стр. 213 сл.; Fr.-J. Stein, Dexippus et Herodianus rerum scriptores, quatenus Thucydidem secuti sint, Diss., B., 1957, стр. 72 сл. Не обходят молчанием вопросы о биографии Геродиана новейшие переводчики его истории — на английский (E. C. Echols, Berkeley a. Los Angeles, 1961, Introduction, стр. 5 сл.); C. R. Whittaker, Introduction, L., 1969, стр. IX сл.), румынский (R. Alexandrescu, 1960, Introducere, стр. 5 сл.), польский языки (L. Piotrowicz, Wroclaw, 1963; предисловие написал J. Wolski, стр. VIII сл.).

Что же касается года рождения Геродиана, то некоторое заключение можно извлечь из его указания: он в противоположность большинству историков описывает не давно прошедшие времена, а то, что помнят его современники, и притом его сведения не заимствованы от других, т. е. не принадлежат к числу тех, которые не поддаются точному знанию и подтверждению свидетельскими показаниями (I, 1, 3). Это признание должно относиться и к начальным главам истории Геродиана, посвященным описанию смерти Марка Аврелия (180 г. н.э.). Если, как не без основания думают, Геродиан был тогда в более или менее сознательном возрасте, то он мог родиться около 165 г.

Очень немного можно извлечь из сочинения Геродиана об обстоятельствах его жизни. Большая осведомленность историка в событиях, совершавшихся в Антиохии и в близких к последней восточных областях (II, 7, 8—9, 10; 10, 7; 14, 6; III, 1, 4—6; 2, 10; 3, 4; 4, 1, 6; 6, 9; IV, 8, 6; 9, 8; 13, 8; 15, 9; V, 1, 1—3; 4, 1—2; VI, 4, 3—6; 6, 2—4), натолкнула ряд исследователей на мысль, что он был родом из Антиохии и долгое время проживал там³. Нельзя сомневаться в том, что он жил или бывал в Риме (I, 15, 4; III, 8, 10).

Грек по происхождению, Геродиан был на императорской и общественной службе, которую он называет словом *ὑπερσίσ*. Словом этим обозначались второстепенные должности, впрочем включая должность прокуратора, каковым Геродиана некоторые и считают. Ни в коем случае, следовательно, нельзя говорить о прохождении историком обычного римского *cursus honorum*.

Некоторые попытки расширить наши сведения о жизни Геродиана не привели к положительным результатам. Это, во-первых, неудачная попытка отождествить его с грамматиком Геродианом Техником. Против возможности считать их одним и тем же лицом говорят как соображения хронологического порядка, так и известные нам обстоятельства жизни грамматика⁴. Последний жил в правление Марка Аврелия, тогда как историк должен был быть совсем юным еще в правление Коммода; кроме того, грамматик всю жизнь занимался наукой, историк же начал писать свой труд, побывав на разных должностях.

Не более удачным оказалось предположение, что в одной латинской надписи можно усмотреть упоминание о нашем Геродиане. Надпись относится ко времени Септимия Севера или его сына Каракаллы. Этот эпиграфический текст составлен в честь некоего Тиберия Клавдия Геродиана, легата провинции Сицилии, судьи и патрона Панормитанской колонии⁵, т. е. явно в честь сенатора, каковым наш Геродиан быть не мог.

Хронологический охват истории Геродиана — 59 лет: от смерти Марка Аврелия в 180 г. н.э. до начала единоличного правления Гордиана III — 238 г. н.э. Это соответствует словам самого историка, который, говоря в начале своего труда об особенностях описываемого времени, ограничивает последнее 60 годами — *ἐν ἑξέσιν ἑξήκοντα* (I, 1, 5). В другом месте он говорит уже о 70 годах — *ἑτῶν ἑβδομήκοντα* (II, 15, 7). Это противоречие часть ученых предлагает устранить путем исправления текста, т. е. и во втором случае читать «шестьдесят». Было высказано и очень вероятное предположение, что в процессе написания своего труда Геродиан изменил первоначальное намерение

³ Впрочем, изредка Геродиана считают александрийцем, вероятно, на том основании, что у него встречаются сообщения о событиях, имевших место в Александрии. См., например, H. Schiller, *Geschichte der römischen Kaiserzeit*, I, Gotha, 1883, стр. 928.

⁴ Против смешения историка Геродиана с Геродианом-грамматиком см. Wolfius, ук. соч., стр. XXXIV сл.; Croiset, ук. соч., стр. 813, прим. 2.

⁵ В виде предположения отождествил историка Геродиана с сенатором сицилийской надписи Б. Боргези — B. Borghesi, *Oeuvres complètes*, III, P., 1864, стр. 120. Надпись переиздана: H. Dessau, *Inscriptiones Latinae selectae*, I, Berolini, 1892, № 2938. Против отождествления высказывается подавляющее большинство исследователей — см., например, R. Sievers, *Ueber das Geschichtswerk des Herodianos*, «Philologus», XXXI, 1872, стр. 659; Wachsmuth, ук. соч., стр. 693; Dorp, ук. соч., стб. 954. За Боргези последовал только Volkman, ук. соч., стр. 3 сл.

и принял решение (оставшееся, впрочем, неосуществленным) расширить рамки своей истории⁶.

Труд Геродиана в том виде, в каком мы его имеем, был, скорее всего, закончен вскоре после 239 г. Впрочем, была выдвинута как возможная и более поздняя дата — царствование Филиппа Араба (244—249 гг.); основанием для такого мнения послужили очень сдержанные упоминания о Гордиане III, которые не подходят для времени его правления⁷.

Общий план истории Геродиана следующий:

Кн. I — проэмий, смерть Марка Аврелия, правление Коммода.

Кн. II — правление Пертинакса, правление Дидия Юлиана, провозглашение императором Септимия Севера, его прибытие в Рим, его выступление против Нигера.

Кн. III — борьба Севера против Нигера и против Альбина, правление Севера.

Кн. IV — совместное правление Антонина (Каракаллы) и Геты, убийство Геты, единоличное правление Антонина, убийство Антонина и начало правления Макрина.

Кн. V — правление Макрина, правление Антонина (Геллиогабала).

Кн. VI — правление Севера Александра.

Кн. VII — правление Максимиана, провозглашение Гордиана I, гибель Гордиана I (и Гордиана II), провозглашение Максима и Бальбина (и Гордиана III) цезарями.

Кн. VIII — поход Максимиана на Италию, осада Аквилей и гибель Максимиана, совместное правление Максима и Бальбина, их гибель и провозглашение Гордиана III.

В центре внимания Геродиана всегда император — его личность и деятельность, образ жизни и судьба. История, с точки зрения Геродиана, почти целиком укладывается в рамки биографий императоров. Однако план и характер изложения у Геродиана очень далек от биографических схем Светония и «*Scriptores Historiae Augustae*» (SHA). Нигде (в противоположность сочинениям названных авторов) не дает себя знать монотонная топика биографии с ее обязательными рубриками. Геродиан, скорее, следует примеру историков, заполняя свои книги самым разнообразным содержанием. У него мы находим рассказы, развернутые и сжатые сообщения о событиях, речи исторических лиц, характеристики правления, характеристики личности, разного рода экскурсы. Мелочи типа любовных наклонностей властителей и их гастрономических вкусов остаются, как правило, вне поля зрения нашего историка (в резком контрасте с SHA); если мы что-нибудь узнаем из этой области, то лишь попутно, когда это требуется по ходу какого-нибудь рассказа. Преполненный глубоким уважением к императорской власти и ее носителям, Геродиан старается по возможности избежать всего того, что слишком компрометировало личность императоров.

⁶ Сохраняют чтение «семьдесят» в своих изданиях Беккер, Мендельсон (отмечая, впрочем, конъектуру «шестьдесят»), Ставенгаген; в пользу сохранения рукописного чтения (на том, однако, основании, что Геродиан небрежен в числовых показателях) см. также J. B l a u f u s s, *Ad Herodiani rerum Romanarum scriptoris libros V et VI observationes*, Diss., Erlangae, 1893, стр. 4 сл. С полной ясностью высказывается против предположения о незаконченности труда Геродиана Witkowski (ук. соч., III, стр. 251, прим. 3). В пользу исправления «семьдесят» на «шестьдесят» — W o l f i u s, ук. соч., стр. XXIII (= Kl. Schr. I, стр. 426). О намерении Геродиана расширить рамки своего труда — V o l k m a n n, ук. соч., стр. 4 сл.; J. de P o b l o c k i, *De Herodiani vita, ingenio, scriptis*, Diss., Monasterii, 1864, стр. 4; C r o i s e t, ук. соч., V, стр. 814; C a s s o l a, ук. соч., стр. 217 сл. Допускают обе возможности (т. е. не высказывают категорического суждения по поводу чтения «семьдесят»): J. Z ü r c h e r, *Commodus, Ein Beitrag zur Kritik der Historien Herodians*, «*Untersuchungen zur römischen Kaisergeschichte*», hrsg. v. M. Büdinger, I, Lpz, 1868, стр. 226; K. D ä n d l i k e r, *Die drei letzten Bücher Herodians, Untersuchungen...*, hrsg. v. M. Büdinger, III, Lpz, 1870, стр. 280; W o l s k i, ук. соч., стр. IX.

⁷ Против общераспространенного мнения, что Геродиан писал свою историю при Гордиане III, был выдвинут один не лишенный остроумия, по все же едва ли решающий довод: в царствование Гордиана III автор не написал бы, что он при провозглашении его цезарем был *παῖδιον νέπλον* (VII, 10, 8), а затем был провозглашен императором потому, что не нашли никого другого (VIII, 8, 7) — так будто бы можно было написать только после смерти Гордиана, в правление Филиппа Араба (Аравитянина) — B l a u f u s s, ук. соч., стр. 5.

Риторическое образование историка и его литературный талант особенно сказываются в его рассказах о событиях, речах и экскурсах. Рассказы его всегда красочны и эффектны. Резко очерчены ситуации, намерения и действия персонажей, их высказывания подаются ярко; каждая данная сцена плотно примыкает к рамкам того повествования, часть которого она составляет⁸.

Довольно многочисленные речи, само собой разумеется, составлены самим историком; впрочем, Геродиан достаточно ясно предупреждает читателя об этом, когда по поводу той или иной речи говорит, что было сказано «примерно такое» (τοιαύτα τινά). О речах Геродиана некоторые отзываются как о бесцветных, не дающих ничего сравнительно с окружающим их контекстом и лишь в большей степени, чем основной текст, снабженных сентенциями. Имеется, однако, и другой взгляд: в речах отражаются мысли современников Геродиана, именно то, что он дает в окружающем речи контексте. Оба эти взгляда по-своему справедливы: действительно, перечисленные качества в той или иной степени присущи всем речам Геродиана. Следует только заметить, что речи считались необходимой частью исторического повествования, так что Геродиан, сочиняя их, только следовал установившейся до него традиции. Не обладая ни глубиной понимания эпохи или даже отдельных событий, ни способностью проникать в психологические особенности исторических персонажей, он довольствовался тем, что вкладывал в уста исторических деятелей лежавшие на поверхности мысли и чувства, доступные пониманию читателей, тем самым закрепляя свои авторские высказывания и как бы придавая им документальную достоверность. Несмотря на это, в некоторых его речах мы все же встречаем отражение личных качеств того, кто произносит речь: прозорливость Марка Аврелия (I, 4,3—6), похвальба Коммода (I, 5,5—6), душевное благородство и серьезность Пертинакса (II, 3,5—10), решительность и сознание своей силы Септимия Севера (II, 13,5—9)⁹.

По разным поводам Геродиан дает в своей истории разного рода экскурсы, главным образом излагая в них незнакомый греческому читателю материал для ознакомления с римскими порядками, обычаями и праздниками (I,9,2; 10,5; 11,1—5; 16,1—3; III, 8,10; IV, 2; V, 4,8; 6,3; VI, 1,4; VII, 5,8; 6,1—2; VIII, 5,8), отчасти при этом щеголяя своей осведомленностью. Не все в объяснениях Геродиана безукоризненно правильно, как показало исследование его экскурсов¹⁰.

⁸ О риторической обработке Геродианом имевшегося у него материала см. Z ü c h e r, ук. соч., стр. 226 сл., 251; J. J. M ü l l e r, Der Geschichtschreiber L. Marius Maximus, Eine kritische Untersuchung, «Untersuchungen...», hrsg. v. Büdinger, III, стр. 191; M. J. H ö f n e r, Untersuchungen zur Geschichte des Kaisers L. Septimius Severus und seine Dynastie, I, Giessen, 1875, стр. 25; S c h i l l e r, ук. соч., I, стр. 928; W a c h s m u t h, ук. соч., стр. 695; K. F u c h s, «Wiener Studien», 1895 (1896), стр. 223; C r o i s e t, ук. соч., V, стр. 815; O. S c h u l z, Beiträge zur Kritik unserer litterarischen Überlieferung für die Zeit von Commodus' Sturze bis auf den Tod des M. Aurelius Antoninus (Caracalla), Diss., Lpz, 1903, стр. 52; D o p p, ук. соч., стб. 955; H. S z e l e s t, Kilka uwag o «Historij» Herodiana, «Eos», XLVI, 2, 1952/53, стр. 65. Подробнее о стилистических приемах Геродиана — S t e i n, ук., соч., стр. 101 слл. Изучение ритмики произведения Геродиана, давно начавшееся и сразу же оставившееся, несколько продвинулось вперед лишь сравнительно недавно — Ed. N o r d e n, Die antike Kunstprosa, 1, 2. Abdruck, Lpz — B., 1909, стр. 397 слл.; H. S z e l e s t, De Herodiani clausulis metricis, «Eos», XLV, 1951 (1952), стр. 87 слл.

⁹ Преобладающий взгляд на речи Геродиана — неодобрительный: эти речи считаются бесцветными, шаблонными, ничего нового (сравнительно с другими частями истории Геродиана) не вносящими, отягощенными внесенным в них сентенций и сложных периодов — см. W o l f f i u s, ук. соч., стр. LII (=Kl. Schr. I, 438 сл.); K. F u c h s, «Wiener Studien», 1895 (1896), стр. 244 сл. и 1896 (1897), стр. 218 сл.; C r o i s e t, ук. соч., V, стр. 815; S c h u l z, ук. соч., стр. 17; D o p p, ук. соч., стб. 956; S z e l e s t, «Eos», XLVI, 2, стр. 65; E. H ö h l, Kaiser Commodus und Herodian, «Sitzungsber. Deutschen Akad. d. Wiss. zu Berlin. Kl. für Gesellschaftswiss.», Jg 1954, № 1, стр. 8; S t e i n, ук. соч., стр. 163. Благоприятнее судят о речах Геродиана румынский переводчик (R. A l e x a n d r e s c u, Introdúcere, 1960, стр. 21 сл.) и английский (W h i t t a k e r, ук. соч., стр. LVIII сл.).

¹⁰ Об этом см. S i e v e r s, «Philologus», XXXI, 1872, стр. 659 сл.; A. D u n c k e r, Die neueren Forschungen auf dem Gebiete der römischen Kaisergeschichte vom Tode Marc Aurels bis auf die Zeit Constantin's des Grossen, «Philologus», XXXIII, 1874, стр. 184. Об экскурсах у Геродиана см. D o p p, ук. соч., стб. 956.

Когда говорят об общем характере истории Геродиана, то в первую очередь отмечают непонимание им основных черт описываемой им эпохи. Нигде нет более или менее глубокого анализа исторических событий, нет и общей картины состояния империи в политическом, социальном или экономическом отношении. Не следует, однако, забывать, что всего этого мы не найдем и у других современных Геродиану исторических писателей, и в более поздних литературных источниках. Характеристика состояния империи, взаимоотношения между носителями верховной власти, сенатом и армией, роль населения Рима и провинций — все это выяснено в работах историков нового времени, причем материал, извлекаемый из книги Геродиана, оказался в высшей степени полезным даже для тех исследователей, которые не склонны высоко расценивать Геродиана как историка.

Многочисленны у Геродиана те места, где чрезвычайно наглядно показано первенствующее значение армии во внутренней жизни государства, роль ее в устранении императоров и замещении вакантного престола, так что временами сама императорская власть становилась игрушкой в руках воинов. Ясно видно падение престижа сената, который поднимал голову только при императорах, считавших нужным не только оказывать внешние знаки уважения сенату, но и править в согласии с ним (к таким государям наш историк относится с особой симпатией); в то же время перед лицом императоров, попиравших достоинство сената, нарушавших данные ими же обещания и жестоко расправлявшихся с неугодными сенаторами, и сенат в целом, и отдельные члены сенаторского сословия оказывались бессильными и неспособными к сопротивлению.

Временами на сцену выступает у Геродиана римский народ, либо приветствуя прибытие императора в Рим, либо поднимая мятеж против императорского любимца, либо вступая в борьбу с войском. Эти вспышки бывают кратковременными и приводят к успеху в тех случаях, когда требования народа поддерживаются каким-нибудь близким к верховному правителю лицом. Очень удачно один из исследователей говорит, что на страницах истории Геродиана временами появляется «фантом римского народа»¹¹.

Рассказы Геродиана, кроме того, показывают нам слабость Италии и падение ее значения и престижа. Из многих других явлений выделим еще широкие размеры дезертирства и образование больших отрядов дезертиров, представлявших серьезную угрозу для спокойствия Империи. Исследователи находят у Геродиана материал для истории юношеских коллегий — *collegia iuvenum*¹².

С другой стороны, есть события, о которых Геродиан умалчивает; так, например, он не упоминает об эдикте Каракаллы 212 г. (дарование прав римского гражданства подавляющему большинству свободного населения Римской империи)¹³.

Географические познания Геродиана не отличаются обширностью и точностью. Исследователи уличают его в отсутствии ясности там, где историк должен был проявить хорошую осведомленность. Так, при описании битв римлян под предводительством Макрина и Севера Александра, как и в сообщениях о германских походах Каракаллы, Александра и Максимиана, отсутствуют какие бы то ни было географические показания. Войско Септимия Севера на своем пути к Атре проходит у Геродиана по Счастливой Аравии, хотя речь может идти только об Аравии Скенитской (III, 9, 3). Слияние рек Тигра и Евфрата происходит, по мнению Геродиана, в восточной части страны парфян (VI, 5, 2). Город Гема, обычно относимый у географов к Паннонии, оказывается в представлении Геродиана первым городом Италии на пути педшего с севе-

¹¹ E. H o h l, Kaiser Pertinax und die Thronbesteigerung seines Nachfolgers im Lichte der Herodiankritik..., «Sitzungsber. Deutschen Akad. d. Wiss. zu Berlin, Klasse für Philosophie, Geschichte, Staats-Rechts- und Wirtschaftswiss.», Jg 1956, № 2, стр. 14.

¹² Об этом см. J. G a g é, Les organisations de «iuvenes» en Italie et en Afrique du début du III-e siècle au «Bellum Aquileiense», «Historia», XIX, 1970, стр. 232 слл.

¹³ Отмечаются, кроме того, и другие пропуски, например отсутствие упоминания о смерти (убийстве воинами) в 228 г. Ульпиана, председателя *consilium principis* при Александре, — F u c h s, «Wiener Studien», 1896 (1897), стр. 207.

ра Максимиана (VIII, 1,4). Отмечают и ряд других географических погрешностей у Геродиана¹⁴.

Хронологические указания Геродиана часто ненадежны. Нередко они имеют неопределенный характер: «спустя немного времени», «спустя несколько лет», «в определенный день», «с тех пор», и т. п. (см., например, I, 6,1; 8,1; 9,7,8; 10,1; 12,1,3; 14,1; II, 1,5; 2,2; 5,2; 6,3,6; 9,5; 12,4; 14,3,4; III, 9,1; 10,2; 12,7; IV, 1,5; 3,1; 4,1; V, 3,2,10; 6,1,2; VII, 4,3; 5,3; 12,3). Количество лет или месяцев правления императоров Геродиан любит закруглять, вступая при этом в противоречие с нашими другими источниками. Он отводит Коммоду 13 лет самостоятельного (после смерти отца) правления (I, 17, 12). Сообщение Кассия Диона отличается большей точностью — 12 лет, 9 месяцев, 14 дней (LXXII, 22,6)¹⁵. У Геродиана Пертинакс правит неполные два месяца (II, 4,5). В действительности (мы и здесь должны верить точным показаниям Диона — LXXIII, 10,3) он правил 87 дней — с 1 января по 28 марта 193 г.¹⁶. В противоречии с Дионом, легендами монет и надписями Геродиан говорит о шестом годе правления Гелиогабала (V, 8,10)¹⁷. О неудовлетворительности хронологических знаний Геродиана говорят многие исследователи — как по отдельным конкретным поводам, так и в самой общей форме¹⁸.

Сообщения Геродиана не раз подвергались критике со стороны своего содержания: историка упрекали в неточностях, несогласованностях, пристрастии к типичному, следовании определенным схемам¹⁹.

Отнюдь не легкий по отношению ко всякому античному историку вопрос об источниках представляет особые трудности в применении к Геродиану. Прежде всего, вопреки обыкновению других историков древности сам Геродиан в общей форме прямо указывает на источники своей осведомленности. Позиция доверия или недоверия к этому указанию Геродиана, занятая исследователем, ведет последнего к одному из двух диаметрально противоположных направлений и, следовательно, к разным, несводимым один к другому результатам.

¹⁴ О географических неточностях и погрешностях у Геродиана см. Wolfius, ук. соч., стр. XLVII (= Kl. Schr. I, 435) и LIII (= Kl. Schr. I, 439 сл.); Sievers, «Philologus», XXVI, 1867, стр. 268 сл. и XXXI, 1872, стр. 657 слл.; Dunscker, ук. соч., стр. 184; Wachsuth, ук. соч., стр. 694; Fuchs, «Wiener Studien», 1895 (1896), стр. 248 слл. и 1896 (1897), стр. 229 слл.; Schulz, ук. соч., 52, 102; Dorp, ук. соч., стб. 957; Hohl, Kaiser Commodus..., стр. 8; H. Preller, Geschichte der Historiographie unseres Kulturkreises, I, Ebersberg in Obb, 1967, стр. 335.

¹⁵ Об этой неточности у Геродиана см. Zürcher, ук. соч., стр. 251.

¹⁶ Об этой неточности у Геродиана см. Sievers, «Philologus», XXVI, 1867, стр. 256; Dunscker, ук. соч., стр. 175; Hohl, Kaiser Pertinax..., стр. 17.

¹⁷ См. Sievers, «Philologus», XXXI, 1872, стр. 642 сл.

¹⁸ О неопределенных и неточных хронологических показаниях Геродиана см. Wolfius, ук. соч., стр. XLVII (= Kl. Schr. I, стр. 435); Pöbloski, ук. соч., стр. 18; Zürcher, ук. соч., стр. 231 слл.; Sievers, «Philologus», XXXI, 1872, стр. 642 сл., 645 слл., 649 слл.; Dunscker, ук. соч., стр. 175, 183, 185; Fuchs, «Wiener Studien», 1895 (1896), стр. 248 слл. и 1896 (1897), стр. 229 слл.; Wachsuth, ук. соч., стр. 694; Croiset, ук. соч., V, стр. 815; Schulz, ук. соч., стр. 103; Dorp, ук. соч., стб. 956; Witkowski, ук. соч., стр. 252; Preller, ук. соч., стр. 335. Остроумными соображениями Кассола устраняет из текста одну из хронологических несообразностей Геродиана, касающуюся правления Севера Александра (VI, 2, 1), — см. R. Cassola, Note critiche al testo di Erodiano, «Rendiconti della Accademia di archeologia, lettere e belle arti», Napoli, N. S. XXXVIII, 1963 (1964), стр. 141 слл. См. также Whittaker, ук. соч., стр. XXXIX слл.

¹⁹ О неточности Геродиана в отдельных деталях см. Sievers, «Philologus», XXVI, 1867, стр. 33 сл., Zürcher, ук. соч., стр. 228 слл.; Dändliker, ук. соч., стр. 205 слл.; Fuchs, «Wiener Studien», 1895 (1896), стр. 223 слл. О несогласованностях в показаниях Геродиана см. Dändliker, ук. соч., стр. 226 слл.; Sievers, «Philologus», XXXI, 1872, стр. 650; Fuchs, «Wiener Studien», 1896 (1897), стр. 204 слл., 228 сл. О пристрастии Геродиана к типичному, к общим местам (в чем сказывается риторическое образование) — см. Dändliker, ук. соч., 232; Fuchs, «Wiener Studien», 1896 (1897), стр. 226 слл.; Schulz, ук. соч., стр. 101. Схемы, по которым располагал свой материал Геродиан, разобрал в своих двух работах Фукс — Fuchs, «Wiener Studien», 1895 (1896), стр. 222 сл. и 1896 (1897), стр. 180 слл. (наблюдения Фукса остаются в силе, даже если не принимать сделанных им выводов).

Во-вторых, параллельные сообщения Кассия Диона и SHA, частью совпадающие с сообщениями Геродиана, частью дополняющие их, частью с ними контрастирующие, требуют работы интерпретатора, который в зависимости от своего толкования взаимоотношений между параллельными текстами дает свое освещение генезису свидетельств Геродиана.

Естественно начать с показаний самого историка. В начале своего труда (I, 1) он противопоставляет себя большинству тех, кто занимается составлением историй, и старается возобновить память о давно прошедших делах. Эти историки, по мнению Геродиана, стремятся прославить навеки свою образованность (*παίδειας κλέος ἄδιον μνῶμεναι*), боясь, если они будут молчать, затеряться в общей толпе людей. Они в своем изложении пренебрегали истиной (*τῆς μὲν ἀλήθειας ἐν ταῖς ἀφηγήσεσιν ὀλιγόρησαν*), но заботились о слоге и благозвучии (*οὐχ ἥκιστα ἐπεμελήθησαν φράσεώς τε καὶ εὐφωνίας*). Приятное на слух изложение мифического материала будет, по их представлению, поставлено им в заслугу, а до точности исследования никто доискиваться не будет (*τὸ δ' ἀκριβὲς τῆς ἐξετάσεως οὐκ ἐλεγχθήσεται*). Дальше речь идет о некоторых видах искажения исторической правды: из вражды и ненависти к тиранам, из лести и почтения по отношению к государям, городам (полисам) или частным лицам некоторые историки достоинством своей речи придают больший, чем того требует истина, блеск простым и незначительным деяниям.

Итак, Геродиан неодобрительно отзывается о тех, кто избирает темой своего повествования события давнего прошлого, истинность которых не проверяется ни самим историком, ни его читателями. Приятность изложения обеспечивает авторам успех независимо от правдивости или лживости их рассказов. Мы не вправе вкладывать в слова Геродиана то, чего в них нет, именно осуждения литературной (реторической) обработки материала. Строго держась смысла его слов, мы можем усмотреть в них лишь выпад против писателей, прикрывающих недостоверность своих рассказов литературными прикрасами; все дело здесь в маскировке недоброкачественного содержания, так что литературные красоты оказываются отрицательным явлением, когда они помогают успеху недостоверных сообщений. Особо отмечена тенденциозность, проявляющаяся — опять-таки при помощи словесных средств — в возвеличивании обыкновенных деяний. При этом побудительными мотивами для историков оказываются их субъективные отношения к тиранам, государям, городам, отдельным гражданам.

Очевидно, все перечисленные недостатки других («большинства») историков должны быть чужды самому Геродиану. Действительно, себя он отделяет от них (*ἐγὼ δέ — I, 1,3*), заявляя в первую очередь о том, что его история не занимается далеким прошлым, не получена им от других, не является «неизвестной и лишенной свидетелей» (*ιστορίαν ... ἀγνωστόν τε καὶ ἀμάρτυρον*). События, описанные им, произошли на памяти читателей. Сведения об этих событиях собраны со всяческой тщательностью (*μετὰ πάσης ἀκριβείας*), и знание о многочисленных великих делах, происшедших за короткое время, будет не лишено приятности для последующих поколений (*τοῖς ὕστερον — § 3*).

Итак, свое преимущество перед другими Геродиан усматривает в следующем: 1) тема его истории — не седая древность, где невозможна проверка свидетельскими показаниями; 2) он получил свои сведения не «от других», т. е. не от предшественников — исторических писателей; 3) материал был собран им с тщательностью (сюда *implicite* включена достоверность).

Что касается читателей, то это будут и современники описываемых им событий, и последующие поколения. В утверждении, что знание событий принесет удовольствие читателям будущего, иногда видят обещание давать занимательные рассказы. Контекст показывает, однако, другое понимание слов Геродиана: самые сведения таковы, что черпать их из исторического труда будет интересно. Дальнейшее подтверждает правильность такого понимания слов Геродиана. Сравнительно с отрезком времени от установления единовластия Августа до Марка Аврелия, приблизительно в 200 лет, тот охватывающий 60 лет отрезок, который будет объектом внимания Геродиана, доставляет невиданные до тех пор примеры смены государей, гражданских и внешних

войн, движений племен, взятий городов, землетрясений, заражений воздуха, удивительных поворотов в жизни тиранов и государей (не будем дальше следить за развитием высказанных Геродианом мыслей — §§ 5—6).

Подведем с точки зрения источниковедения итоги рассмотрения того, что высказывает историк в своем введении. Геродиан гордится тем, что пишет свой труд, опираясь не на предшественников, а на собранный им самим материал (*ἡθροισα*), и уверяет читателя в своей точности (*μετὰ πίστεως ἀκριβείας*). Никакой заслуги в том, чтобы использовать письменные источники, он не видит. Ниже он скажет, что он записал увиденное и услышанное им в течение всей своей жизни; кое в чем из этого он участвовал, находясь на императорских и общественных службах (I, 2,5). Здесь яснее, чем где бы то ни было, автор дает нам понять, что его история родилась в результате собственных наблюдений, собирания сведений (слухов) и временами близкого отношения к событиям. Три соображения говорят в пользу правдивости его утверждений. Во-первых, чрезвычайно малая вероятность немедленной фиксации в письменном виде всех разнообразных событий описываемого Геродианом времени; такого рода записи, а особенно распространение их, не говоря уже о публикации в собственном смысле слова, не всегда были безопасны в бурные времена быстрой смены правителей, часто беспощадно расправляющихся с приверженцами своих предшественников и соперников. Во-вторых, если бы историк, прокламирующий свою самостоятельность, в действительности лишь повторял (пусть с видоизменением) то, что всякий его современник мог бы прочитать у других авторов, то он сам подставлял бы себя под удар, так как уличить его в несамостоятельности было бы очень легко. В-третьих, манера обращения Геродиана с письменными источниками в тех случаях, где они имелись в его распоряжении, вовсе не свидетельствует о его стремлении извлечь из них как можно больше материала для своего повествования.

В самом деле, характеризуя Марка Аврелия, Геродиан говорит о приверженности императора ко всяким видам добродетели и о его любви к старинному слогу (*λόγον ἀρχαϊότητος ἢν ἐραστῆς*), что обнаруживают «дошедшие до нас его слова и писания» (I, 2,3). Эта слишком маленькая выжимка из сочинений и записанных речей Марка Аврелия не может убедить нас в незнакомстве с ними Геродиана, но в то же время ясно показывает, что удельный вес этих письменных памятников как источника при написании соответствующих глав I книги истории Геродиана был крайне невелик. Геродиан отказывается описывать мужественные и разумные деяния Марка, поясняя, что эти деяния были описаны многими мудрыми мужами (*πολλοῖς καὶ σοφοῖς ἀνδράσιν συγγράψανται*). Опять ссылка на известную автору литературу, которой, однако, он не считал нужным воспользоваться в своем произведении, заранее ограничив свою тему хронологическими рамками своей собственной (сознательной) жизни. Упоминания о сновидениях Септимия Севера, укрепивших в нем желание идти на Рим для захвата верховной власти и уверенность в успешном завершении похода, наш историк ссылается на автобиографическое сочинение Севера и на выставленные напоказ картины. Сам Геродиан не повторяет того, о чем рассказал император. Исключение он делает для одного сновидения, которое послужило последним толчком для выступления Севера (II, 9,4). Как видим, из письменного источника взят какой-то минимум. Следует еще отметить, что весь рассказ о времени правления Септимия Севера не носит на себе отпечатка апологии или энкомия, какой был бы понятным и естественным в изложении, непосредственно вытекающем из автобиографии со свойственными этому жанру особенностями. По поводу походов Септимия Севера, в частности против соперников Нигера и Альбина, Геродиан мог многое узнать из существовавших уже пространных прозаических и стихотворных произведений (*πολλοὶ συγγραφεῖς καὶ ποιηταὶ μέτρον πλατύτερον συνέταξαν*), посвященных жизнеописанию императора (II, 15, 6). В действительности данные, которые могли бы быть почерпнуты из этих произведений, остаются вне поля зрения Геродиана. Это военные переходы, остановки, произнесенные Севером в разных городах речи, божественные знамения, местности, столкновения, количество павших в битвах с обеих сторон. Все это, как можно понять из слов Геродиана, вполне укладывается в рамки биографии одного государя, но цель нашего исто-

рика другая — обозрение известных ему деяний многих императоров за определенный период времени (II, 15,7). Поэтому он намерен в дальнейшем выбрать из того, что сделал Север, самое главное и представляющее собой нечто связанное. В отличие от авторов других сочинений об этом императоре, Геродиан в своем рассказе воздерживается от угодливого превознесения; с другой стороны, он обещает не опустить ничего, что достойно упоминания. Таким образом, многочисленные литературные источники по царствованию Септимия Севера не могли принести большой пользы Геродиану. Фактический материал, содержащийся в них, не смог заинтересовать его, а панегирический тон, видимо, отталкивал.

Обратим внимание на заявление о том, что историк собирается описывать известные ему деяния императоров (*πράξεις ἅς αὐτός οἶδα*). Сопоставляя эти слова со сделанным выше заявлением о намерении Геродиана рассказывать о том, что он видел и слышал, мы не можем уклониться от заключения, что здесь историк еще раз отгораживается от литературных источников и выражает притязание на непосредственное или почти непосредственное отражение исторической действительности. Тон восхвалявшей подвиги императоров исторической литературы второй половины II в. н.э., т. е. близкого к Геродиану времени, известен нам по произведению Лукиана «Как следует писать историю». В связи с победоносным походом Луция Вера против парфян в 162—165 гг. появилась обширная литература, посвященная этому походу. Отличительными ее чертами были выпренность лъстивость и далекое от реальной осведомленности содержание. Лукиан протестует против представления высмеиваемых им писателей, будто легче и проще всего писать историю, стоит только в какой-то небольшой степени владеть пером (гл. 5). В качестве одного из пороков исторических сочинений он отмечает, небрежное отношение к фактам и злоупотребление похвалой правителям и военачальникам (гл. 7). Превознося своих и унижая чужих, такие историки стирают ту грань, какая существует между историческим повествованием и похвальным словом. Забывается и различие между поэтическим произведением, где вполне уместен полет фантазии, и историей, где он недопустим (гл. 8). Приятность может сопутствовать дельному, т. е. сообразному с истиной, изложению, но подлинное назначение исторического повествования — показ истины (*τὸ ἴδιον ἐντελέες, λέγω δὲ τὴν τῆς ἀληθείας δῆλωσιν* — гл. 9, конец). Превосходящая всякую меру лесть способна, по мнению Лукиана, вызвать только отвращение со стороны восхваляемых, если последние обладают достойным мужчины умом (гл. 12). В насмешливом тоне, пересыпая свою речь историческими и мифологическими примерами и сравнениями, Лукиан приводит пышные и претенциозные вводные слова услышанных им описаний похода Луция Вера (гл. 14—15). Не будем дальше следить за ходом рассуждения Лукиана. Для нас важно было найти реальную параллель к тем историкам-панегиристам, с которыми не хочет иметь ничего общего Геродиан. Неумение и даже нежелание передавать историческую правду, низкопоклонство и склонность к пустозвонным внешним эффектам одинаково претят как Лукиану, так и Геродиану.

По одному частному поводу — количество убитых и взятых в плен в битве при Лугдуне со стороны Севера и Альбина — Геродиан говорит, что это число дается писателями по-разному в зависимости от прихоти автора (III, 7, 6). Вспоминая историческую ситуацию и тенденцию историков к лестному для императора освещению событий, мы вправе понять слова Геродиана в том смысле, что в угоду Септимию Северу историки его времени выдумывали цифровые показатели, чтобы представить в наиболее блестящем виде его победу над последним соперником, стоявшим на его пути к единовластию, — Альбином.

Видимо, для времени правления и, в частности, для походов Септимия Геродиан мог бы многое почерпнуть из имевшейся тогда литературы, начиная с жизнеописания императора, им самим составленного. Однако и здесь Геродиан остается верным своему принципу стараться быть независимым от исторической литературы там, где последняя могла ему кое-что дать. Он настаивает на том, что его исторический труд отражает действительность в той мере и в том виде, в каких он, Геродиан, видел ее и слышал о ней.

Почему мы должны проявлять недоверие к признаниям автора, который решительно и последовательно отрицает свою зависимость от чужих исторических повествований и противопоставляет им свой труд, основанный на результатах собственного непосредственного опыта (εἶδον) и на рассказах лиц, видимо более или менее близко стоявших к событиям (ἤκουσα)?

Геродиан чрезвычайно скупо осведомляет читателя о том, как ему стали известны те или иные описываемые им события или явления. Кое-что он видел, кое-что он слышал, кое к чему имел близкое касательство, находясь на императорской или общественной службе (т. е. опять-таки видел, но уже с более близкого расстояния, и слышал от лиц, имевших возможность многое наблюдать вблизи). Но какой именно из этих источников осведомленности историка действовал в каждом отдельном случае, этого Геродиан нам не открывает. В очень редких случаях, притом даже не очень важных с историконведческой точки зрения, Геродиан прямо говорит об автопсии. Коммод дал народу невиданные доголе зрелища. Он уже заранее объявил, что будет без промаха поражать зверей копыями и стрелами. В назначенный день он действительно выполнил обещание, показав чудеса меткости. Звери были привезены с разных сторон: «Мы тогда и увидели тех, кому мы удивлялись на картинах» (τότε οὖν εἶδμεν ὄσχα ἐν γράσταις ἐθαυμάζμεν — I, 15, 4). По поводу секулярных игр, устроенных Септимием Севером в 204 г., Геродиан пишет: «Мы увидели при нем разнообразные зрелища одновременно во всех театрах» (εἶδμεν δὲ ἐπ' αὐτοῦ καὶ θεάς τινῶν παντοδαπῶν θεαμάτων ἐν πᾶσι θεάτροις ἑμῶν — III, 8, 10). Еще раз тот же глагол «видеть» в первом лице множественного числа аориста употреблен в сообщениях о сумасбродствах Антонина (Каракаллы), связанных с его увлечением Александром Македонским. Он наполнил Рим изображениями македонского царя, «а кое-где (надо думать, там же, в пределах Рима) мы видели смехотворные изображения» (речь идет о голове с двумя лицами — Александра и Антонина — ἑσθ' ἔπου δὲ καὶ χλευήσ εἶδμεν ἀξίας εἰκόνας — IV, 8, 2). Мы имеем, таким образом, прямое свидетельство о пребывании нашего автора в Риме по крайней мере три раза — в правления Коммода, Септимия Севера и Каракаллы. Все три раза речь идет не о событии или происшествии в собственном смысле слова, а о зрительных впечатлениях. Предупредив читателя в самом начале своего труда, что он пишет, основываясь на том, что ему довелось видеть и слышать, Геродиан не считает нужным точно разграничивать виденное от слышанного, и самое употребление глагола «видеть» в трех перечисленных выше случаях следует рассматривать не как печать достоверности, а, скорее, как стилистический прием типа «вот что тогда можно было увидеть», «вот что видели тогда люди» (ср. I, 15, 1 — «чтобы увидеть то, чего они раньше и не видели и не слышали»; III, 8, 10 — «призывая всех прийти и посмотреть то, чего они не видели и не увидят»).

С большой долей вероятности можно думать, что картины, увековечивавшие подходы императоров и выставленные на общее обозрение, принадлежат к числу тех вещей, которые Геродиан видел собственными глазами. Септимий Север после своих успехов в Парфии отправил послание сенату и народу и, кроме того, приказал выставить картины, изображавшие его битвы и победы (III, 9, 12). Еще раньше Геродиан говорит о выставленных напоказ изображениях сновидений Севера (II, 9, 4). Антонин (Гелиогабал), желая приучить римский сенат и народ к виду императора, посягающего роскошные восточные одеяния, послал в Рим из Никомедии для установки в здании сената над статуей Победы свой портрет во весь рост в облачении жреца, совершающего священнодействие (V, 5, 6—7). Максимин приказал изобразить на картине большого размера свою битву с германцами и свои подвиги в ней и выставить эту картину перед зданием сената (VII, 2, 8). Не может быть полной уверенности в том, что Геродиан сам видел на поле битвы при Иссе бронзовую статую Александра Македонского, о существовании которой в свое время он знает (III, 4, 3), или остатки стены вокруг Византия, свидетельствовавшие о высокой технике строителей и военной доблести тех, кто ее разрушил (III, 1, 7).

Геродиан не выдает себя за очевидца всех описанных им событий: он ведь не только «видел», но и «слышал». Критерий для отделения того, что он знает понаслышке,

у нас отсутствует. Рассуждая а priori, можно с значительной долей вероятности возвести к устным сообщениям ряд имеющихся в истории Геродиана рассказов. Трудно, например, представить себе, чтобы Геродиан подростком или юношей мог находиться при умирающем Марке Аврелии на берегах Дуная (I, 3—4,7). Очень сомнительно, чтобы Геродиан был очевидцем покушения Квинтиана на жизнь Коммода (I, 8,5). То же следует сказать о патетической сцене в резиденции Коммода, когда сестра императора Фадила открывает брату глаза на замыслы Клеандра (I, 13, 1—4); о событиях, предшествовавших заговору Марции — Лата — Эклекта, и о самом заговоре, убийстве Коммода, тайном выносе его трупа из дворца (I, 17—II, 1,3); о ночном посещении Пертинакса Лэтом и Эклектором (II, 1,5—10); об убийстве Пертинакса (II, 5,2—8); о покупке императорской власти Юлианом (II, 6,5—11); об убийстве Юлиана (II, 12,7—13,1). Слишком смело было бы предполагать, что Геродиан видел разжалование Севером преторианцев и его расправу над ними (II, 13), битву у Исского залива между Севером и Нигером (III, 4,1—6), попытку подосланных Севером людей убить Альбина в Британии (III, 5,3—8), битву при Лугдуне, в которой Альбин потерпел поражение и был убит (III, 7,2—7). Сделать Геродиана участником похода Севера на Восток невозможно уже потому, что в его рассказе — явная географическая несообразность (III, 9,3). Неудачный заговор Плавтиана с его тайной беседой с Сатурнином, изменой последнего и последующими перипетиями Геродиан, разумеется, описывает не по собственным наблюдениям (III, 11,4—12,12). Не мог историк быть свидетелем попыток Антонина (Каракаллы) подкупить врачей, чтобы они ускорили смерть его отца (III, 15,2), переговоров о разделе империи между Каракаллой и Гетой (IV, 3,5—9), убийства Геты Каракаллой (IV, 4,2), коварного поведения Каракаллы во время торжественной встречи, устроенной ему парфянским царем (IV, 11, 2—7), прочтения Макрином доноса против него Каракалле (IV, 12, 4—8), убийства Каракаллы (IV, 13, 2—8). У нас нет никакого основания считать Геродиана бойцом или хотя бы наблюдателем битвы между войсками Макрина и Артабана (IV, 14,3—15,9), свидетелем смерти Макрина (V, 4,11). Абсолютно невозможно причислить к тому, что видел Геродиан, походы Севера Александра на Восток и особенно на Север, так как участник походов или близко стоявший к ним человек не мог бы ограничиться слишком общими, лишенными всякой конкретности географическими указаниями (VI, 5,1—6,3; 7,2—10 и др.); отпадает вместе с тем и возможность наблюдения гибели Александра (VI, 9,1—7), заговора осроенских стрелков (VII, 1,9—11). Едва ли можно думать, что Геродиан описывает как очевидец провозглашение в Ливии императором Геродиана и его смерть (VII, 4,1—6,3; 9,1—9), происшествие в сенате (VII, 11,3—4), осаду Максиминном Аквилей и все связанные с этой осадой события (VIII, 2,3—7,7).

Один возможный критерий автопсии или близкого отношения к событию — яркость описания, наглядность картины, обилие деталей — теряет всякую силу в применении к писателю, владевшему всеми средствами современной ему риторике и обладавшему способностью разукрасить, представить в наиболее завлекательном и выпуклом виде полученный от других (путем устной передачи) материал. Хорошим предостережением должно служить нам и изображение отплытия афинского флота в Сицилию в 415 г. у Фукидида (VI, 32,1—2). Сжатое, но очень картинное описание Фукидида могло бы подать повод думать, что автор находился либо среди отплывавших, либо среди оставшихся на берегу, если бы мы не знали, что он в это время в Афинах не был и быть не мог. По-видимому, историк Пелопоннесской войны получил точное и достоверное сообщение очевидца, данные которого легли в основу известного нам рассказа.

Еще одно замечание. Иногда придается преувеличенное значение повторяемости деталей в разных, аналогичных по содержанию рассказах Геродиана. Если историк, в нашем случае Геродиан, повторяет в своих рассказах одну и ту же деталь, то это считается доказательством выдуманности этой детали по крайней мере в одном из двух (или более) случаев²⁰. Геродиан описывает торжественную встречу сенатом и народом

²⁰ О повторении у Геродиана выражений, деталей, ситуаций см. Z ü r c h e r, ук. соч., стр. 231 слл., 248 слл.; M ü l l e r, ук. соч., стр. 189 сл.; F u c h s, «Wiener Studien»,

императора Коммода при его возвращении в столицу с берегов Дуная. При его приближении к Риму весь сенат и все жители города вышли ему навстречу на далекое расстояние, неся лавровые ветви и всевозможные цветы (I, 7,3). Когда Септимий Север, сокрушив Альбина, направился со своим войском в Италию и вступил в Рим, народ, неся лавровые ветви, принял его со всяческим почетом и благоговением, а сенат приветствовал его (III, 8,3). Совпадение в одной детали отнюдь не дает права делать заключение, что одну из этих встреч историк действительно видел, другую же сочинил по аналогии. Возьмем обе картины в целом. Сын Марка Аврелия, в изображении Геродиана юный и прекрасный, был желанным для всех и вызывал у подданных самые радужные надежды — люди не могли удержаться и спешили приветствовать его. Не то — в случае Септимия Севера. Он вступает в Рим, питая злобные чувства по отношению к сторонникам Альбина. О ликовании и добрых надеждах народа нет и речи. Что же касается сенаторов, то они в большинстве испытывают страх, зная, что победитель будет относиться к ним беспощадно, как человек, для которого достаточно будет хотя бы маленького повода для расправ с нежелательными людьми. Ситуация при Коммодe и при Септимии Севере была далеко не одной и той же. Единственная точка соприкосновения — несение лавровых ветвей. Коммода встречают еще на подступах к Риму, Севера — уже внутри города; навстречу Коммоду несут лавровые ветви и цветы, а о последних в описании встречи Севера не сказано ни слова. Встреча императора народом, надо думать, не обходилась без лавровых ветвей. Геродиан мог видеть две встречи, столь разные по своему эмоциональному фону и большей части деталей, но в одной внешней черточке похожие одна на другую. Нужно ли говорить о трафаретности (и, следовательно, нереальности) исторического рассказа на том основании, что в нем, как в каком-нибудь другом или даже в каких-нибудь других рассказах, воины провозглашают полководца или начальника императором после того, как тот произнес перед ними речь? Одинаковая или, чаще, неодинаковая, но лишь в какой-то степени сходная мотивировка действий исторических лиц не должна обязательно считаться применением одной и той же схемы, придуманной автором исторического повествования. Повторяемость ситуаций, действий, объяснений характерна не только для манеры того или иного историка, но и для самой исторической действительности той бурной эпохи, в которую жил и писал Геродиан.

Признавая, в согласии с показаниями самого Геродиана, что некоторые его рассказы и сообщения передают непосредственно увиденное им, мы не можем и не должны уклониться от отнесения ряда его рассказов и сообщений (притом большей их части) за счет собранного им устным путем материала. Выше была речь о неточности и расплывчатости хронологических и географических показаний Геродиана. К этому следует добавить, что в его рассказах обычно даются имена лишь главных действующих лиц, изредка и второстепенных²¹. Все это направляет нашу мысль в определенную сторону. Не зафиксированное в письменном виде повествование с определенными хронологическими и географическими данными, не документальный текст, а услышанный Геродианом устный рассказ, не содержащий в себе необходимых историку уточнений по части времени и места, естественнее всего считать источником для изложения тех рассказы, которые Геродиан не мог наблюдать сам. Собранные у разных свидетелей рассказы, с трудом укладывавшиеся в более или менее жесткие хронологические рамки, лишенные точных географических данных, вращались вокруг главных действующих лиц. У Геродиана не было ни возможности, ни желания придавать им то, чего в них недоставало. Своим делом он считал риторическую обработку собранного материала, чтобы получить свои впечатляющие, бьющие на эффект эпизоды, не всегда точно локализуемые и часто соединенные с окружающим контекстом зыбкими хронологическими мостиками. Одна довольно характерная для первичных записей событий (сви-

1895 (1896), стр. 229 слл., 245 слл. и 1896 (1897), стр. 193 слл., 218 слл.; D o r p, ук. соч., стб. 956; S z e l e s t, «Eos», XLVI, 1952/53, стр. 65 сл.; W h i t t a k e r, ук. соч., стр. LVI слл.

²¹ См., например, Z ü r c h e r, ук. соч., стр. 227; F u c h s, «Wiener Studien», 1896 (1897), стр. 233.

детелем которых записывающий не был) черта присуща многим рассказам Геродиана — ссылка на слухи («говорили», «злословили» и т. п.). Гораздо реже прибегает он к сопоставлению вариантов. Такие моменты сохраняются у Геродиана, несмотря на его тенденцию давать закругленные рассказы. Луцилла, сестра Коммода, делает сообщником своих враждебных императору замыслов знатного и богатого молодого человека Кодрата. «Злословили, — сообщает по этому поводу Геродиан, — что она состояла с ним в тайной любви» (I, 8,4). Марция, завладев списком тех, кого собирался казнить Коммод, посылает за Эклектором. Он обычно приходил к ней как императорский кубикюлий, а кроме того, злословили, что она состоит с ним в любовной связи (I, 17,6). Это обстоятельство никак не влияет на ход событий; Лэт, о котором не было подобных слухов, ведет себя совершенно так же, как и Эклект, но народная молва существовала, и с ней историк считается. Частое общение находившихся на виду лиц не только в этом случае породило подобный слух. Уместно вспомнить о передававшемся из уст в уста в лагере 10 тыс. греков слухе о близких отношениях между Киром Младшим и приехавшей к нему для переговоров киликийской царицей (ἐλέγητο δὲ συγγενέσθαι Κῆρον τῇ Κιλικίῃσῃ — Xen., Anab. I, 2,12). Невоздержанный образ жизни Юлиана был предметом нареканий (II, 6,6). Отнесем сюда и тайные предостережения людей старшего возраста против излишнего доверия к произнесенной в сенате речи Септимия Севера с обещаниями самого обнадеживающего характера. Большинство сенаторов поверило императору, но были среди представителей старшего поколения и такие, кто в частных беседах говорил о коварстве Севера, его способности притворяться и в конечном счете добиваться того, что ему выгодно (II, 14,4). Эти опасения, впоследствии оправдавшиеся, могли сохраняться в устном предании и оживиться после смерти Севера и его сына Каракаллы. После рассказа о первой крупной победе Севера над войском Нигера — этим войском командовал Эмилиан — Геродиан вспоминает о ходившем по поводу этого Эмилиана слухе, будто он с самого начала изменил Нигеру (III, 2,3). В объяснении причин предательства Эмилиана было расхождение: одни говорили о зависти по отношению к Нигеру, другие — о влиянии писем от детей, находившихся в Риме в руках Севера и умолявших Эмилиана позаботиться об их спасении (там же). Повидимому, множество слухов ходило о ливийце Плавтиане, который, будучи человеком простого звания, выдвинулся при Севере до поста префекта претория и стал необыкновенно влиятельным. Недоброжелатели рассказывали о нем, что он в молодости подвергся изгнанию, после того как был уличен в мятеже и многих преступлениях (III, 10,6). В поисках причин благосклонности императора к Плавтиану строились догадки и о родстве между ними, и об интимных отношениях (там же). Любимый вольноотпущенник Антонина (Каракаллы), его секретарь Фест, умер во время пребывания императора в Илионе. Смерть его совпала с увлечением Каракаллы памятью Ахилла. Фесту были устроены очень пышные похороны, так как, уподобляя себя Ахиллу, император увидел в умершем Патрокла. Вся эта ситуация вызвала два объяснения: одни говорили, что Фест умер от болезни, другие — что он был отравлен специально для того, чтобы быть похороненным, как Патрокл (IV, 8,4).

О значении молвы как источника осведомленности и ее быстром распространении говорит сам Геродиан в связи с лживым посланием Каракаллы сенату и народу по поводу его мнимых успехов и покорения всего Востока. Сенат под влиянием страха и из низкопоклонства декретировал императору все почести, хотя истинное положение дел было хорошо известно сенаторам: «ведь дела государя не могут оставаться скрытыми» (λαθεῖν γὰρ ἔργα βασιλέως ἀδύνατον — IV, 11,9; ср. V, 4,1,8). Письмо Матерна тому же Антонину с обвинением Макрина в стремлении к власти получает у Геродиана, вероятно в результате раздвоения устного предания, две мотивировки: либо о замыслах Макрина ему вещали божества (он перед этим общался с магами, занимавшимися некромантией), либо сам он действовал из желания дискредитировать Макрина (IV, 12,5). Обстоятельства смерти Макрина, торопившегося в Рим после своего поражения от сторонников Антонина (Гелиогабала) и задержавшегося в Халкедоне из-за неблагоприятных условий для переправы, описаны явно по слухам: «говорят...» (V, 4,11). Север Александр не выполнил своего плана вовремя войны с персами, не вывел

77
 10
 79
 20
 80
 30
 40
 50
 55

свое войско в назначенное место и таким образом оказался виновником страшного поражения римлян. Геродиан дает два возможных объяснения поведения императора: либо он побоялся подвергнуть опасности свою жизнь, либо его удержала мать по своей женской робости и чрезмерному чадолюбию (VI, 5,8). Эти два объяснения уже потому не должны приписываться самому Геродиану, что они связаны с двумя обвинениями, которые не раз предъявлялись Александру на протяжении его царствования и немало способствовали его гибели, — отсутствие смелости (VI, 6,6; 7,3,10; 8,3; 9,5) и полное подчинение воле матери (VI, 1,10; 8,3; 9,4,5,8). Не удивительно, что в войске и народе связывали неудачу персидского похода с теми свойствами императора, которые всегда вызывали недовольство. После неудачного похода Александр возвратился в Антиохию больным — либо от упадка духа, либо от непривычки к воздуху тех стран, по которым он проходил (VI, 6,4). Две возможности в данном случае выдвигаются не самим историком. Они могли фигурировать в рассказах участников похода и других современников. В пользу этого говорит контекст: ведь в дальнейшем Геродиан считается только с одним из объяснений — Александр с трудом выносит свою болезнь и душный воздух, болеют и все воины, особенно непривычные к жаркому, сухому климату иллирийцы (VI, 6,2); в Антиохии благодаря ее приятной прохладе и хорошей воде император легко восстанавливает свои силы (VI, 6,4). Об императоре Максимине, который был родом из фракийской деревни, передавали, что он в детстве был пастухом (ὡς ἐλέγετο — VI, 8,1). Молодые паннонские воины в своей среде радовались мужеству Максимина и высмеивали малодушие Александра и его зависимость от воли матери (VI, 8,3). По-разному объясняли поведение Максимина, когда воины впервые объявили его императором, а он сбрасывал с себя императорскую порфиру, которую пытались накинуть ему на плечи. Согласно одному объяснению, все происходившее было полной неожиданностью для Максимина, согласно другому — все это он сам заранее подстроил (VI, 8,5). О последних мгновениях жизни Александра рассказывают (ὡς φασιν — VI, 8,6), что он, обняв мать, горько жаловался, называя ее виновницей своих бед. Прямая ссылка на повсеместные разговоры дается Геродианом в сообщении об общераспространенной молве о том, что Максимин, начав с пастушества и став простым воином, был доведен судьбой до власти над Римским государством (τεθρόλυτο γὰρ πρὸς πᾶσι καὶ δεβέβλυτο — VII, 1,2). Рассказ о подробностях заговора Магна против Максимина вводится словами «говорили, что план действия будет таким» (ἡ δὲ συσκευὴ τοιαύτη τις ἐλέγετο ἕσσεσθαι — VII, 1,5). Заговор был жестоко подавлен Максиминим. Поэтому, как заявляет Геродиан, он дает те сведения, какие удалось получить на основании слухов (ἡ μὲν τῆς ἐπιβουλῆς φήμη τοιαύτη ἐγένετο — VII, 1,8). Он не ручается за достоверность своего сообщения, так как не было ни судебного разбирательства, ни возможности защищаться; молва могла в сущности передавать лишь то, что угодно было Максимину. Бесспорным фактом было самоубийство престарелого Гордиана I в Карфагене. Согласно одному слуху, он повесился при приближении к городу войск Капелиана, сторонника Максимина; согласно другому, это произошло уже после поражения карфагян под командой Гордиана II и гибели последнего (ὡς τινὲς φασιν... ἕτεροι δὲ φασιν — VII, 9,4,9). В обстоятельном рассказе об осаде Аквилеи Максиминим особо при помощи слова «говорили» (ἐλέγετο — VIII, 3,7) выделено все то, что касается гаданий по внутренностям жертвенных животных. В том же рассказе говорится, что, по словам некоторых воинов Максимина, в воздухе часто являлся образ местного бога Белена, сражавшегося за город (VIII, 3,8). Отмечаются преувеличенные слухи об общей мобилизации всего римского народа, о единодушии всей Италии, о наборе войска среди иллирийских и варварских племен на востоке и на юге (VIII, 5,6).

Согласно прямому, ясному, не допускающему никаких иных толкований свидетельству Геродиана, он пишет о том, что он видел и слышал. Не подлежит сомнению, что сообщения о слышанном сильно преобладают над сообщениями о виденном. И здравый смысл, и разбор рассказов Геродиана, и сравнение с рассказами Кассия Диона (отчасти и Мария Максима) не дают основания усомниться в справедливости этого показания.

Как уже сказано выше, важными источниками для изучения описанной Геродианом эпохи являются история Кассия Диона и сборник биографий императоров, который известен под названием «*Historia Augusta*» (HA), авторов которого (подлинных или мнимых) принято называть «*Scriptores Historiae Augustae*» (SHA). Представляет большой интерес вопрос о взаимоотношении между историей Геродиана и двумя другими названными здесь источниками.

Более простым оказывается этот вопрос применительно к HA. Сборник написан гораздо позднее истории Геродиана. В некоторых местах он содержит прямые ссылки на Геродиана²², которые одними из исследователей приписываются самим SHA, другими — более поздним интерполяторам²³.

Сложнее обстоит дело с Дионом. Здесь ставятся следующие вопросы: 1) знал ли Геродиан сочинение Диона; 2) пользовался ли он этим сочинением; 3) если пользовался, то как и в какой степени; 4) если не знал, то чем объяснить сходство ряда мест у того и другого автора.

По первому вопросу существуют два диаметрально противоположных мнения: одна точка зрения — Геродиан не знал сочинения Диона²⁴, другая — он не мог не знать этого сочинения, и отрицающие знакомство Геродиана с сочинением Диона впадают в большую ошибку, так как не учитывают широкого распространения образованности во II—III вв. н. э., начитанности образованных людей того времени²⁵ и (добавим мы) наличия библиотек даже в провинциальных городах. Попытки доказать, что Геродиан непосредственно использовал историю Диона²⁶, натолкнулись на большие трудности. Некоторое сходство в ряде мест текста обоих историков, бесспорно, наблюдается, но нигде нет текстуральных совпадений, нигде нет явных признаков заимствования. Поэтому наиболее осторожные исследователи, склонные видеть большую близость между некоторыми местами истории Геродиана и Диона, предпочитают говорить не о заимствовании первого от второго, а о зависимости обоих от какого-то общего источника²⁷. В сущности можно говорить о сходстве между рассказами Геродиана и Диона лишь в самых общих чертах; они оба часто рассказывают об одном и том же, причем в некоторых случаях имеется большее или меньшее сходство.

Всем этим подсказывается определенное решение основного вопроса о взаимоотношении между двумя историками. Признавая вероятность знакомства Геродиана с трудом Диона, мы все же нигде не усматриваем бесспорных следов зависимости Геродиана от его предшественника. Доверием к показаниям Геродиана о характере его источни-

²² Vita Clodii Albini, 1, 2; 12, 14; vita Diad. 2, 5; vita Alex. Sev. 52, 5; 57, 3; vita Maximini 13, 4; vita Max. et Balb. 15, 3, 5; 16, 6; vita Tyr. Triginta 32, 1; см. также те места, где Геродиан назван Аррианом, — vita Maximini 33, 3; vita Gord. 2, 1; vita Max. et Balb. 1, 2.

²³ О том, чем SHA обязаны Геродиану (причем нет речи о позднейших интерполяциях), см. D ä n d l i k e r, ук. соч., стр. 298 сл.; P e t e r, ук. соч., II, стр. 35; Fr. L e o, Die griechisch-römische Biographie nach ihrer litterarischen Form, Lpz, 1901, стр. 275 сл. Позднейшими вставками (редактора) считают ссылки на Геродиана у SHA: M ü l l e r, ук. соч., стр. 105; D u n s k e r, ук. соч., стр. 182; В а а z, ук. соч., стр. 65 сл.; D o r p, ук. соч., стб. 959.

²⁴ Некоторые исследователи не придают никакого значения совпадениям в рассказах Диона и Геродиана — об этом см. D o r p, ук. соч., стб. 958; A. G. R o o s, Herodians Method of Composition, JRS, V, 1915, стр. 192; также Z ü r c h e r, ук. соч., стр. 223 сл. (к этому см. D u n s k e r, ук. соч., стр. 159). Сходство рассказов обоих историков объясняет общим ходом событий Холь (H o h l, Kaiser Pertinax..., стр. 41).

²⁵ См. F. C a s s o l a, Erodiano a le sue fonti, «Rendiconti della Accademia di archeologia, lettere e belle arti», Napoli, N. S. XXXII, 1957 (1958), стр. 166 сл.; W h i t t a k e r, Introduction, стр. LXIV сл.

²⁶ Наиболее осторожную позицию среди авторов, признающих зависимость Геродиана от Диона, занимает A. G. R o o s (ук. соч., стр. 191 сл.). Констатируя значительные отклонения Геродиана от Диона, он объясняет их внесением материала из другого источника.

²⁷ Об общем источнике у Диона и Геродиана см. В а а z, ук. соч., стр. 15 сл.; этот источник был латинским (доказывается это на основании разбора употребления Геродианом разных слов, служивших для обозначения носителя императорской власти). Опровержение — C a s s o l a, Erodiano e le sue fonti, стр. 166 сл.

ков (виденное и слышанное) оправдывается следующий подход к сравнительной оценке параллельных рассказов у Геродиана и Диона. В тех случаях, когда последний ошибается то, что он видел и чего не мог видеть Геродиан (заседания сената, некоторые события при дворе), мы должны отдать предпочтение Диону (если нет возможности доказать наличие у него тенденции, введшей его в заблуждение или побудившей дать искаженное изображение). В таких случаях мы призываем Геродиана рупором определенных слухов и будем доискиваться причин искажения или своеобразного преломления событий в его изложении. Геродиан становится для нас информатором о слухах, имевших хождение в римском обществе (или части его) и выражавших отношение к императорам²⁸ и другим действующим лицам рассказов. В других случаях, где отпадает возможность считать Диона очевидцем событий, его рассказ будет отражением устной традиции определенных кругов общества, не тождественных тем, чью традицию дает нам Геродиан.

На некоторых примерах можно будет показать особенности геродиановских рассказов, их сходство и несходство с рассказами Диона и SHA. Одним из таких примеров может служить рассказ о падении Перенниса. Фаворит императора Коммода Переннис, назначенный префектом претория, отвращал молодого государя от дел правления, предоставляя ему заниматься попойками. Фактически Переннис сосредоточил власть над государством в своих руках. В то же время он делал все возможное, чтобы внушить Коммоду подозрения против отцовских друзей и против других лиц, выделявшихся знатным происхождением и богатством. Отличаясь ненасытной алчностью, он пользовался своим положением для собственного обогащения. Заговор императорской сестры Луциллы, в котором приняли участие некоторые лица сенаторского сословия, и неудачное покушение на жизнь Коммода дали Переннису подходящий повод для расправы не только с непосредственными участниками заговора, но и с теми, на кого пало какое-либо подозрение, и для присвоения их имущества (I, 8). После этого Переннис стал думать о захвате верховной власти (ἐπεβούλευε τῇ ἀρχῇ — I, 9,1). Под его влиянием Коммод поставил во главе иллирийских войск его сыновей, которые, помогая отцу в его планах, тайно собирали военную силу. Сам Переннис копил деньги для щедрых раздач воинам, имея в виду привлечь их на свою сторону против Коммода. Поворотным моментом в судьбе Перенниса оказался неожиданный случай во время священных игр на Капитолии. Перед началом зрелища, когда император и должностные лица сидели на своих местах и театр был полон зрителей, вдруг на сцену вбежал человек, по виду философ, и обратился к Коммоду с предостережением опасаться Перенниса и его детей; здесь было и упоминание о собранных Переннисом деньгах, об иллирийских войсках и о нависшей опасности. Схваченный по приказу Перенниса, философ был предан сожжению как впавший в безумие и клеветник. Происшествием все же воспользовались враги Перенниса, чтобы настроить против него императора. Тем временем какие-то воины привезли из Иллирика монеты с изображением Перенниса и нашли способ показать их Коммоду. Результатом было совершенное ночью убийство Перенниса, а затем и вызванного Коммодом в Рим его сына (выше Геродиан говорил о сыновьях, здесь он говорит об одном сыне — I, 9).

Получается стройный рассказ: жадный любимец государя, не довольствуясь реальной властью и богатством, лелеет мысль стать обладателем императорского звания и принимает серьезные меры к осуществлению своих замыслов; обстоятельства, однако, не благоприятствуют ему, и он терпит полное крушение.

Сравним с этим то, что находим у Кассия Диона в сокращенном изложении Ксифилина (LXXII, 9). Поведение Коммода, увлекавшегося ездой на колеснице и предавав-

²⁸ О зависимости Геродиана от слухов в передаче установившихся мнений см. L. R a n k e, Weltgeschichte, III, 2, Lpz. 1883, стр. 354; F u c h s, «Wiener Studien», 1895 (1896), стр. 244 сл. и 1896 (1897), стр. 212 сл., 218 сл. Само собой разумеется, следование устному преданию не означает обязательно искажения исторической действительности. Так, например, исследователи отмечают большую точность Геродиана, когда он сообщает о двух битвах между Септимием Севером и Нигером (III, 3 и 4), тогда как Дион знает только об одной битве — см. S i e v e r s, «Philologus», 1867, стр. 260 сл.; D u n c k e r, ук. соч., стр. 166; S c h u l z, ук. соч., стр. 39.

шегоса всяким излишеством, вынудило (*ἔναγκάζετο*) префекта претория Перенниса взять на себя не только воинские дела, но и все управление государством. Войны были недовольны Переннисом и ставили ему в вину все то, что им не нравилось. Войско, находившееся в Британии, выбрало из своей среды 1500 стрелков и послало их в Италию. При их приближении к Риму их встретил Коммод. На его вопрос о причине появления они ответили жалобой на Перенниса, который будто бы злоумышляет против Коммода, желая сделать императором своего сына. Ненавидевший Перенниса Клеандр со своей стороны поддерживал такое обвинение, и Коммод, убежденный всем тем, что он услышал, выдал префекта воинам, которыми тот командовал. После издевательств над своим бывшим начальником они убили не только его, но и его жену, сестру и двоих сыновей. Как видим, Переннис у Кассия Диона не такая отрицательная личность, как у Геродиана. Управление гражданскими и военными делами он не узурпировал; то и другое сосредоточилось в его руках благодаря ходу вещей. Он замыслил захватить верховную власть для сына говорится не как о реальном факте, а как о выдумке врагов (воинов, прибывших из Британии, и Клеандра).

У Элия Лампридия (*SHA, vita Commodi 5—6,2*), показания которого, как думают, восходят в книге сенатора Мариа Максима, современника событий²⁹, Переннис характеризуется теми же отрицательными чертами, что и у Геродиана, но в некоторых деталях имеются заметные отличия. Сыновья Перенниса действуют как военачальники в Сарматии; поводом для недовольства Переннисом послужило назначение им на должности военных начальников в Британии людей из всаднического сословия. Переннис объявлен врагом и отдан воинам на растерзание. Главное — нет никакого намека на стремление Перенниса присвоить себе или своему сыну императорскую власть.

Вот возможное объяснение отмеченных разногласий у трех авторов. Сенаторы Кассий Дион и Марий Максим не считаются с официальной версией, в которой впавший в немилость императорский любимец изображался в самых мрачных красках. Оба сенатора по своему положению стояли ближе к событиям, к тому же находились в большей или меньшей степени в оппозиции к императору. Они передают то, что они узнали из устных рассказов, ходивших в сенатских кругах. Геродиан при всем своем уважении к сенату далеко не всегда находится под влиянием сенатских традиций. Он в данном случае собрал и в приукрашенном виде изложил то, о чем рассказывали среди народа после гибели Перенниса, официально объявленного врагом на основании обвинения в покушении на захват верховной власти³⁰.

Другим примером может служить рассказ о падении Клеандра. Начнем с Геродиана. Фригеец родом, раб, Клеандр, попав в императорский дворец, вырос вместе с Коммодом. Сделал головокружительную карьеру: ему была доверена личная охрана императора, ведение императорским покоем, должность префекта претория. Необыкновенные успехи внушили ему надежду стать главой Римского государства. Он приступил к осуществлению своего плана: скупив большую часть хлеба, он держал его под замками с тем, чтобы потом щедрыми раздачами привлечь к себе народ и войско. Однако ни это, ни постройка гимназия для всенародного пользования им как баней не могли изменить враждебного отношения римлян к временщику. Виновиком своих бедствий

²⁹ О Марии Максиме как источнике НА см. Z ü r c h e r, ук. соч., стр. 244 сл.; Mü l l e r, ук. соч., стр. 17 сл., 169 сл.; D u n c k e r, ук. соч., стр. 176, 179; F u c h s, «Wiener Studien», 1895 (1896), стр. 223; H. P e t e r, Die Scriptorum Historiae Augustae, Sechs litterar-historische Untersuchungen, Lpz, 1892, стр. 98, 105, 108 сл., 236 сл.; он же, Die geschichtliche Litteratur über die römische Kaiserzeit bis Theodosius, I, Lpz, 1897, стр. 248 и II, стр. 338 сл.; G. T r o p e a, Studi sugli Scriptorum Historiae Augustae III, Mario Massimo, vita e frammenti, Messina, 1899, стр. 15 сл.; Ch. L é g e r i v a i n, Études sur l'Histoire Auguste, P., 1904, стр. 197 сл., 208 сл.; E. D i e h l, RE, Hbhd XVI, 1913, стб. 2070 сл., s. v. Historia Augusta; H o h l, Kaiser Pertinax..., стр. 5 сл.; О Марии Максиме см. F. M i l t h e r, RE, Bd XIV, 1930, стб. 1828 сл., s. v. Marius 48 (L. Marius Maximus). Whittaker (Introduction, стр. LXIX сл.) отрицает зависимость Геродиана от Мариа Максима.

³⁰ Сообщения наших источников о падении Перенниса разобраны в работах: S i e v e r s, «Philologus», XXVI, 1867, стр. 37 сл.; Z ü r c h e r, ук. соч., стр. 238 сл.; D u n c k e r, ук. соч., стр. 161; H o h l, Kaiser Commodus..., стр. 16 сл.

народ считал ненасытного и корыстолюбивого Клеандра. О нем сначала злословили в театрах. Дело закончилось тем, что огромная толпа народа двинулась в предместье, где пребывал Коммод. Внезапно по приказу Клеандра преторианцы напали на безоружный народ. Многие погибли в свалке по дороге в город. В самом городе положение изменилось, так как городские жители, заперев свои дома, начали бросать с крыш камни и кирпичи на всадников. Теперь гибли уже и всадники со своими конями. К народу присоединились находившиеся в городе пехотинцы. Стараниями Клеандра император оставался в полном неведении относительно того, что творилось (I, 12,3—9). Вывела его из этого состояния его сестра Фадила. Ворвавшись во дворец, она предстала перед братом с распущенными волосами и, бросившись на землю, показывая крайнюю степень горести, произнесла патетическую речь с описанием происходивших ужасов и обвинениями против Клеандра. При этом она разорвала свои одежды, а некоторые из присутствующих, осмелев после ее речи, принялись устрашать Коммода. Напуганный император вызвал Клеандра и приказал схватить и обезглавить его. Народ затем убил двух сыновей Клеандра и всех его друзей (I, 13,1—6).

Сравнительно пространный рассказ Диона (судя по сокращенному изложению Ксифилина) близок к рассказу Геродиана. Раб, кубикюлярый, женившийся на одной из наложниц Коммода, губит своих соперников и становится очень влиятельным. Он продает сенаторское достоинство, командные посты в армии, наместничества, все начальнические места. Дион приводит острое словцо некоего совсем невидного человека — Юлия Солона, что, лишившись своего имущества, он был сослан в сенат. В своей алчности Клеандр дошел до того, что в одном году сменил 25 консулов, чего не бывало ни до, ни после того. Наживаясь везде, где только можно было, имея в руках несметное богатство, Клеандр делал большие подношения императору и его наложницам; он тратил деньги и на постройки, в частности на бани и другие сооружения, полезные частным лицам и городам (LXXII, 12). Поднявшись так высоко, Клеандр внезапно пал. Во время недостатка хлеба Папирий Дионис, стоявший во главе суга аппонае, старался еще более увеличить бедствия, чтобы раздуть нелюбовь народа к Клеандру. На ипподроме были конные состязания. В определенном моменте (Дион указывает, в какой именно) на ипподром вбегают толпа детей и рослая, грозного вида девушка (*πρῆθένος τῆς μεγάλῃ καὶ βλυσσῶν*), которую впоследствии на основании всего того, что случилось, считали явившейся богиней. Раздаются страшные крики детей. Народ бросается к ним и, выкрикивая все, что можно только себе представить, бежит к Коммоду, проживавшему тогда на вилле Квинтилиев. В своих возгласах народ желает всякого добра Коммоду и проклинает Клеандра. Последний высылает против народа воинов, которые кое-кого убивают и ранят. Тем не менее народ, полагаясь на свою численность и поддерживаемый преторианцами, продолжает идти вперед. Ничего не подозревавшему Коммоду открывает глаза на происходящее наложница Марция. Немедленно император дает распоряжение убить воспитывавшегося у него ребенка Клеандра, а самого его выдать народу. В конце — поругание Клеандра, его смерть и убийство близких к нему людей (LXXII, 13).

Очень сжато (видимо, со слов Мария Максима) Лампридий (SHA, vita Commodi 6—7) говорит о действиях Клеандра, особенно подчеркивая обиды, нанесенные им сенаторскому сословию. По его наущению в состав сената включались даже вольноотпущенники, наместничество в провинциях он продавал за деньги, многих знатных лиц довел до казни и т. д. Конец Клеандра описан очень кратко: когда вследствие козней Клеандра был казнен по ложному доносу Аррий Антонин, Коммод, будучи не в состоянии выносить ненависть неистовствовавшего народа, отдал Клеандра на растерзание черни.

При всей близости трёх рассказов и в больших линиях, и в общей настроенности рассказ Геродиана обнаруживает некоторые отклонения от двух других. Ему чужды точные указания времени и места, имеющиеся у Диона. Ему не нужен Папирий Дионис, махинации которого имели целью еще больше очернить Клеандра в глазах народа: Геродиан, как и народная масса, и без усилий Папирия Диониса верит в виновность Клеандра; для них важны были факты, ложившиеся черным пятном на память поверженного любимца императора. Одна деталь особенно обращает на себя внимание. Из

состояния неведения Коммода выводит женщина, но у Геродиана это — сестра императора, а у Диона — наложница Марция. Скорее всего, близкий к высоким сферам Дион сообщает истину, а Геродиан передает распространенные в народе слухи, расцвечивая сцену всеми доступными ему риторическими украшениями. Народная молва могла предоставить большую роль в гибели Клеандра именно Фадилле, вдове погубленного некогда Клеандром Бирра (Бурра)³¹.

В качестве третьего примера можно заняться рассказами о смерти Коммода. В изображении Геродиана, наскучив мольбами Марция, Лэта и Эклекта не ронять своего достоинства переселением накануне Нового года (193 г.) в гладиаторскую казарму, с тем чтобы оттуда совершить свой новогодний выход в виде гладиатора (I, 16, 4—5), Коммод пишет на табличках из липы приказ умертвить этих трех лиц и вместе с ними многих других. Приказ он оставляет на своей постели (хотя, надо сказать, один из обреченных — кубикюларий Элект — имел по своей должности доступ в императорскую спальню). Таблички находит маленький мальчик, любимец императора Филокоммод, и, играя, уносит с собой. Встретившая и принявшаяся ласкать его Марция отнимает у него таблички, боясь, как бы он не унес что-нибудь нужное. Ознакомившись содержанием написанного и придя в ужас, она посылает за Электком. Последний по прочтении пересылает их Лэту. Принимается решение немедленно действовать — добавить яду в первый бокал вина, который обычно замешивала для Коммода Марция. Отравление не удалось из-за рвоты, которая была результатом либо извержения пищи, уже ранее переполнившей желудок, либо действия противоядия, «какое обычно принимают государи перед всякой едой». Опасаясь, как бы Коммод после удаления яда из его организма не протрезвел и не погубил их, заговорщики выпускают к нему некоего Нарцисса, крепкого и цветущего молодого человека, который, получив от них щедрые обещания, задушил Коммода (I, 17, 1—11). Так представляет дело Геродиан со свойственным ему мастерством рассказчика.

Дион (в передаче Ксифилина) гораздо суше и короче. Накануне Нового года Коммод задумал убить обоих намеченных консулов — Эриция Клара и Соссия Фалькона, чтобы объявить себя единственным консулом и выступить в этом качестве в новом году в виде гладиатора из гладиаторской казармы. Не только недостойное поведение императора, но и его постоянные угрозы заставили Лэта и Эклекта составить заговор, в который они вовлекли и Марцию. Марция подает Коммоду отравленную говядину. Отравление не удается из-за рвоты. Заподозрив недоброе Коммод принимает угрожать. Тогда заговорщики посылают за гимнастом Нарциссом, который и задушил Коммода в то время, когда тот мылся (LXXII, 22).

Очень краткое, всего в несколько строк, лишенное подробностей сообщение Лампридия (*vita Commodi* 17,1—2) сводится к тому, что расточительство и вообще поведение Коммода побудили Лэта и Марцию составить заговор с целью умертвить императора. Сначала ему дали яду, а когда он не подействовал, позвали атлета, с которым Коммодобычно упражнялся; по приказу участников заговора атлет задушил императора.

Как ни кратко сообщение Лампридия, в нем можно заметить то общее с рассказом Диона, что Марция у обоих авторов хотя и является участницей заговора, но не выдвинута на первый план, как это имеет место у Геродиана. Яд в вине у Геродиана, в говядине у Диона может быть отнесен за счет слухов, ходивших в более близкой и более далекой от двора среде. Мы не будем удивляться тому, что Геродиан выбрал (если только ему действительно пришлось выбирать) более эффектный вариант — с замешиванием вина.

Гораздо интереснее, однако, другое. Отсутствующий в этом месте у Диона рассказ о приказе на табличках и случайном обнаружении его заинтересованными лицами имеется у Диона, как оказывается, в истории Домициана. Перечислив участников

³¹ Рассказ Геродиана о падении Клеандра и параллельные сообщения других источников разобраны в следующих работах: Sievers, «Philologus», XXVI, 1867, стр. 42 сл.; Zürcher, ук. соч., стр. 242 сл.; Dunsker, ук. соч., стр. 162 сл.; Fuchs, «Wiener Studien», 1895 (1896), стр. 239 сл.; Ваз, ук. соч., стр. 25 сл.; Нол, Kaiser Commodus..., стр. 19 сл.

заговора против этого императора, историк называет среди них ненавидевшую мужа и опасавшуюся за свою жизнь императрицу Домицию. Дальнейшее снабжено ссылкой «Я слышал и то...» (*ἤκουσα καὶ ἐκείνο*). Домициан записал на двойной липовой дощечке имена тех, кого он намеревался предать смерти, и положил дощечку под подушку у себя на постели. Маленький ребенок во время его сна взял, ничего не подозревая, этот приказ. Встретившая его Домиция отняла записку, прочла ее и показала другим, что и повело к ускорению действий заговорщиков (LXII, 15).

Сходство рассказов Геродиана и Диона, несмотря на незначительные разногласия, разительное. Не будем следовать за теми, кто хочет видеть здесь некоторый подлог Ксифилина, перенесшего будто бы рассказанный Дионом эпизод из одной эпохи в другую (от Коммода к Домициану). Перед нами, несомненно, два варианта одного и того же рассказа, приуроченные к жизнеописаниям двух разных императоров, отделенных друг от друга почти столетним промежутком времени. Как бы невысоко мы ни расценивали историческую достоверность труда Геродиана, сколько бы мы ни уличали его в неточностях, неполноте, непонимании, отдельных ошибках, стремлении бить на эффект, это не дает нам права говорить о грубой фальсификации и сознательной перетасовке событий. Историю с ребенком Филокоммодом Геродиан узнал из устного рассказа, так же как узнал свою историю о безымянном ребенке Дион. В год смерти Коммода Диону могло быть немного более 30 лет³². Он мог до этого, или в это время, или даже позднее услышать такой рассказ об императоре Домициане. Одновременно с этим могла бытовать известная нам из Геродиана версия о Коммоде, сконструированная по аналогии с рассказом о Домициане. Аналогичная ситуация могла возродить старое предание, притянуть его к новому событию и способствовать его распространению. Питавшийся устным преданием Геродиан, естественно, должен был ухватиться за занимательный рассказ³³.

Благодарной темой для историко-филологического истолкования сообщений Геродиана было бы сравнение их с сообщениями Кассия Диона и SHA. Очень полезны существующие работы, где производится сравнительный анализ таких сообщений с точки зрения их достоверности. Однако не менее полезными и продуктивными были бы сравнения под другим углом зрения: выяснение генезиса рассказов на фоне интересов создавших их слоев общества, отношения их к действующим лицам рассказов, наконец, и личных позиций авторов. В результате может получиться материал для общей оценки Геродиана как исторического источника³⁴.

А. И. Доватур

³² См. S c h w a r t z, RE, Bd III, 1899, стб. 1684, s. v. Cassius Dio.

³³ Разбор рассказов о смерти Коммода см. в следующих работах: Z ü r c h e r, ук. соч., стр. 249 слл.; D u n c k e r, ук. соч., стр. 163 сл.; D o r r, ук. соч., стб. 956; R o s, ук. соч., стр. 193 слл.; E. H o h l, Die Ermordung des Commodus. Ein Beitrag zur Beurteilung Herodians, «Philologische Wochenschrift», 52. Jg, 1932, стб. 191 слл.; о н ж е, Kaiser Commodus..., стр. 30 сл.

³⁴ В общем большинство исследователей дает Геродиану как историческому источнику не очень высокую или даже совсем невысокую оценку — его считают поверхностным, недостаточно осведомленным, необоснованно выдвигающим на передний план несущественные обстоятельства, стоящим ниже Кассия Диона, приверженным к литературной форме (в ущерб исторической истине, хотя в сознательной фальсификации его никто не обвиняет), беллетристом, а не историком. См. W o l f f i u s, ук. соч., стр. XXXIX (= Kl. Schr. I, 430 сл.); Z ü r c h e r, ук. соч., стр. 227 сл., 250 слл.; S i e v e r s, «Philologus», XXXI, 1872, стр. 665 сл. (поправка к Сиверсу — D u n c k e r, ук. соч., стр. 169 сл., 185); S c h i l l e r, ук. соч., I, стр. 928; W a c h s m u t h, ук. соч., стр. 694; F u c h s, «Wiener Studien», 1895 (1896), стр. 222 сл. и 1896 (1897), стр. 180, 218 слл.; D o r r, ук. соч., стб. 957, 959; H o h l, Kaiser Commodus..., стр. 31 сл.; о н ж е, Kaiser Pertinax..., стр. 14. Сравнительно благоприятнее судят о Геродиане: S g o j e t, ук. соч., V, стр. 815; В а а з, ук. соч., стр. 64; S z e l e s t, «Eos», XLVI, 1952/53, стр. 66. Обзор разных мнений о Геродиане дает S t e i n, ук. соч., стр. 74 сл. У старых историков Геродиан пользовался большим доверием — Lenain de T i l l e m o n t, Histoire des empereurs et des autres princes..., Venise, 1732, II, стр. 565 слл. и III, стр. 3 слл.; Ed. G i b b o n, The History of the Decline and Fall of the Roman Empire, a new ed., I, L., 1791, стр. 137 слл. В новое время такое отношение к Геродиану встречается редко, например M. R o s t o v t z e f f, The Social and Economic History of the Roman Empire, 2 ed., Oxf., 1957 (1-е изд. — 1926 г.), стр. 376 сл., 453, 455, 606; F. A l t h e i m, Literatur und Gesellschaft im ausgehenden Altertum, Halle a. S., 1948, стр. 165.

ВАЖНЕЙШИЕ ИЗДАНИЯ ГЕРОДИАНА

Herodiani Historiarum libri VIII ex recensione Fr. Aug. Wolfii, Halis, 1792 (в настоящее время текст Вольфа не считается авторитетным, но предисловие не утратило своего значения; о старых, довольфовских изданиях см. Praefatio, стр. LX слл. = «Kleine Schriften», I, стр. 443 сл.; editio princeps Геродиана дал Альдо в Венеции в 1503 г.).

Herodiani Historiarum libri octo e recensione Henrici Stephani... curante Th. G. Irmisch, I—IV, Lipsiae, 1789—1805 (IV том содержит латинский перевод Берглера, комментарий и единственный до настоящего времени указатель слов всего сочинения Геродиана).

Herodiani ab excessu divi Marci libri octo ab Imm. Bekkero recogniti, Berolini, 1826; Lipsiae, 1855 (это первые критические издания).

Herodiani ab excessu divi Marci libri octo, ed. Lud. Mendelssohn, Lipsiae, 1883 (критическое издание с ценным предисловием).

Herodiani ab excessu divi Marci libri octo, ed. K. Stavenhagen, Lipsiae, 1932 и 1968 (рукописного предания Ставенгаген не изучал, в смысле текста он опирается на издание Мендельсона; внесенные в текст немногочисленные поправки принадлежат Шварцу и отчасти самому Ставенгагену).

Erodiano, Storia dell'impero Romano dopo Marco Aurelio. Testo e versione a cura di F. Cassola, Firenze, 1968.

Herodian, ed. by C. R. Whittaker, L., 1969 (см. рец. J. Schwartz, «L'antiquité classique», XXXIX, 1970, стр. 230).

РУССКИЕ ПЕРЕВОДЫ

«Иродианова История о римских государях, бывших после Марка Аврелия Антонина до Гордиана Младшего, в восьми книгах состоящая», переведена с греческого Космою Озерецковским, СПб, 1774.

«История Геродиана в восьми книгах о Римской империи по кончине Марка Аврелия до избрания младшего Гордиана», перевел с греческого Василий Оболенский, М., 1829. (С некоторыми переделками отрывки из этого перевода повторены в книге: В. П. Зубов и Ф. А. Петровский, М., 1940 — I, 15, 2—3, 7—8 — стр. 86, № 268; VIII, 1, 5—6 — стр. 108, № 338; VIII, 4, 1—5 — стр. 114, № 355; IV, 2, 6—11 — стр. 225, № 742; I, 14, 9—15, 1 — стр. 463, № 1623; V, 6, 6 — стр. 464 сл., № 1630; V, 6, 9—10 — стр. 465, № 1635.)

В. В. Латышев, Scythica et Caucasica, Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе, I, СПб, 1893, стр. 655—656 (Геродиан, VI, 7, 6; VII, 8, 3—4). (Повторено — ВДИ, 1948, № 2, стр. 307.)

Геродиан, История империи после Марка, Сб. «Памятники поздней античной научно-художественной литературы II—V века», М., 1964, стр. 134—143 (Геродиан, I, 1; 10, 5; 11, 1—5; VI, 7—9; VII, 1, 1—2; 3, 1—2; 7, 4—6; 8, 1—8; VIII, 2, 1—2; 4, 9—10; 5, 5—9).